

Му Цинмянь решила, что Гоуцицзы продуло ветром, и снова погладила его:

— Лянъэр подарила тебя мне, чтобы я писала ей письма. Я и не думала, что она обо мне так позаботится. Все эти дни благодаря помощи главы Торгового дома Хуэйхэ и молодого хозяина Дворца Данься дело продвигалось. Не будь их, одними моими силами — кто знает, сколько бы ещё пришлось ждать, чтобы достичь нынешних успехов...

Она взглянула на деревянное окно в комнате. За ним — целая деревня, чьи жители были поражены чумой. Не будь щедрой финансовой поддержки Торгового дома Хуэйхэ, не вмешайся Дворец Данься в самом начале, когда царил хаос и никто не верил в её умение лечить, — Му Цинмянь отчётливо понимала: в лучшем случае она нашла бы лишь горстку отчаявшихся, рискнувших довериться ей, и исцелила бы только их.

А не так, как сейчас — получив возможность вылечить каждого страждущего, кого видела.

Му Цинмянь всегда знала, что Янь Лян умна и способна, но та, уезжая, специально проложила для неё путь, чтобы Му Цинмянь могла идти по нему без помех и достичь желаемого, — это было поистине неожиданно.

Эта девочка отдавала ей всё своё сердце.

Что бы Му Цинмянь ни задумала, та помогала ей изо всех сил.

Му Цинмянь решила: этого ей достаточно.

Что за сложная, а то и опасная личность скрывается за Янь Лян, есть ли у той иные причины для такой безмерной заботы... всё это уже не важно.

Му Цинмянь приняла её.

А потому — и по чувству, и по долгу — это письмо следовало написать и отправить как можно скорее.

Но Му Цинмянь медлила. Не знала, как лучше написать. Не знала, как выразить свою благодарность Янь Лян.

Ведь такая милость... ей почти нечем отплатить.

Му Цинмянь никогда не была речистой, а уж с Янь Лян и вовсе возникало чувство, сродное «робости перед возвращением домой».

Гоуцицзы высунул голову из-под руки Му Цинмянь, посмотрел на её отрешённое лицо, затем на пустой лист, выкатился из-под ладони, прыгнул на её кисть, выпрямился и зачирикал целой трелью: «Чик-чирик-чирик!»

Му Цинмянь очнулась, глядя на белый комочек, скачущий у неё на руке, и странным образом уловила его мысль:

— ...Хочешь сказать, что Лянъэр будет рада любому моему письму?

Гоуцицзы закивал что есть мочи, размахивая коротким хвостиком:

— Чик-чирик!

Он готов поклясться хвостом!

Му Цинмянь задумалась. Вспомнила — да, кажется, так оно и есть.

Янь Лян так к ней привязана, что всё, исходящее от Му Цинмянь, та принимает с восторгом.

Му Цинмянь...

Она поняла: заблуждалась. В конце концов, она уже стольким обязана Янь Лян, что лишний долг погоды не делает. Нет нужды ломать голову, как в одном письме излить всю благодарность. Достаточно просто написать всё, что нужно сообщить и о чём напомнить.

Впереди долгая жизнь, они ещё встретятся — тогда и воздастся.

Глядя на почти законченное письмо Янь Лян, Гоуцицзы проникся сознанием собственной прозорливости.

Так и есть: что бы хозяйка ни написала, Великой Колдунье всё понравится!

— Готово, — сказала Янь Лян, высушив тушь на бумаге внутренней силой, сложила письмо и привязала к лапке Гоуцицзы.

Она открыла окно:

— Лети.

— Чик, — дрожащим голосом отозвался Гоуцицзы, давая понять, что понял, взмахнул крыльями и рванул в оконный проём.

И затем описал в воздухе кривую траекторию, кувыркнулся и шлёпнулся на пол.

Гоуцицзы... Чик.

Бе-беда... Сидел слишком долго, лапки... онемели...

Под давящим взглядом Янь Лян, нависшим над ним, Гоуцицзы собрался с силами, вскочил, забил крыльями и, виляя, вылетел в окно.

Письмо в конце концов было благополучно доставлено в руки Му Цинмянь.

По сравнению с письмом Му Цинмянь, что в целом не набирало и полусотни иероглифов, послание Янь Лян было в разы длиннее и куда насыщеннее.

Янь Лян сначала торжественно заверила Му Цинмянь, что неукоснительно принимает снадобья вовремя и в назначенной мере, затем подробно описала все изменения в своём состоянии, что так волновали Му Цинмянь, а под конец ещё и покапризничала: мол, так долго ждала письма от Цинмянь-цзе. Читая, Му Цинмянь живо представила, как Янь Лян, обняв её, дует губки и жалобно твердит: «Цинмянь-цзе, разве ты не любишь Ляньэр?»

Незаметно на лице Му Цинмянь проступила лёгкая улыбка.

Когда письмо прибыло, она уже покинула деревню, поражённую чумой. Ей сказали, что в ближайшем городке тоже немало несчастных, подхвативших заразу. Немного подготовившись, Му Цинмянь отправилась в путь.

Деревня находилась в глухом месте, дорога до городка была трудной. В дорожной тряске и без того не оправившееся лицо Му Цинмянь казалось всё бледнее. Лишь пробежав глазами письмо, принесённое Гоуцицзы, она от лёгкой улыбки слегка порозовела.

Му Цинмянь нежно погладила Гоуцицзы:

— Потрудился.

Она аккуратно убрала письмо в дорожную сумку, поднялась и продолжила путь.

.Сандаловый чертог.

Император Цяньин восседал в медитации, Государственный наставник охранял его. В струящемся благовонном дыму император медленно открыл глаза.

Глаза эти уже не были столь живыми, как в молодости. Они потускнели, помутнели, и даже без слоёв курильного дыма в них явственно читалась дряхлость.

Но вскоре взгляд прояснился.

— Действует! — воскликнул император, и в голосе его слышались неудержимые радость и возбуждение. — Чувствую, мне гораздо лучше!

Государственный наставник почтительно склонился:

— Поздравляю Ваше Величество.

Когда император, вне себя от нетерпения, повернулся к нему, ясность в его глазах вновь сменилась мутностью, но они всё ещё сверкали ярким блеском:

— Лю Чжундэ, поднимайся скорее! На сей раз я и впрямь обязан тебе!

— Ваш слуга недостоин таких слов, — поднялся Государственный наставник, голос его был ровен, словно он уже постиг все мирские суеты. — Если бы не искренняя любовь покойной вдовствующей императрицы к сыну, ваш слуга не смог бы обрести сей бессмертный рецепт; если бы не почтительная сыновья почтительность Седьмой принцессы, ваш слуга не смог бы обрести сей божественный эликсир. То, что свершил ваш слуга, ничтожно по сравнению с деяниями вдовствующей императрицы и принцессы.

— Верно, верно! — захолопал в ладоши император. — Благодарю матушку, благодарю Седьмую! Вы все — мои спасители, спасители Великого Жуна!

Лицо императора залилось румянцем, он быстро отдал распоряжение:

— Огласите мой указ! Я непременно щедро награжу заслуженных!

— ...Одна нефритовая подушка, пара нефритовых жезлов «жуи», шесть флаконов для нюхательного табака из стекла и агата, восемь курильниц с узором «цветущие орхиди»... пять отрезков туманного газового шёлка, три отрезка парчи «дождевые нити», шесть отрезков жемчужного шёлка, три отрезка сандаловой кисеи... двенадцать коробочек бровной туши «звёздная пыль», двенадцать коробочек пудры «нефритовой девы», шестнадцать флакончиков духов «пение цикады», восемнадцать коробочек румян «след на снегу»... пара резных настенных панелей из сандалового дерева с изображением трёх звёзд счастья, долголетия и богатства, пара четырёхстворчатых ширм из наньму с узором из примул, вышитым золотыми

нитьями по разреженному фону...

Ли Чжундэ читал довольно долго, пока наконец не одолел бесконечный список императорских пожалований.

Янь Лян стояла на коленях в ожидании указа и, слушая, едва не задремала. Фэн Яояо, стоявшая рядом, едва сдержалась, чтобы не выдать волнения, — серебро! Она слышала, как целое море серебра переливалось и звенело!

Эти вещи... даже каждая по отдельности — бесценное сокровище, а уж все вместе, да ещё пожалованные личной императорской рукой, — и вовсе несметное богатство!

Фэн Яояо искренне осознала: считать дом Фэн когда-то богатым и знатным — какая же то была наивность!

Вот что значит истинный повелитель роскоши!

<http://bllate.org/book/16273/1465209>